

Григорий Неделько

Фактор разума

Григорий Андреевич Неделько

Фактор разума

*Текст предоставлен правообладателем
Фактор разума: 2016*

Аннотация

«Космический корабль-перевозчик изрыгнёт в космос шлюпку. Пилот шлюпки будет уже наготове и, взяв управление в свои руки, поведёт маленькое судно к мирно кружащейся оранжево-серой планете с редкими коричневыми и зелёными участками...»

Содержание

Будущее	5
Настоящее	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Григорий Неделько

Фактор разума

Мы счастливы с вами сотрудничать!

Г. Неделько «Фактор разума»

[Из 1-го варианта рассказа]

Будущее

Космический корабль-перевозчик изрыгнёт в космос шлюпку. Пилот шлюпки будет уже наготове и, взяв управление в свои руки, поведёт маленькое судно к мирно кружащейся оранжево-серой планете с редкими коричневыми и зелёными участками.

Пройдя сквозь дымную и облачную атмосферу, надёжно защищённый, стремительно обтекаемый звёздный транспорт в форме сильно приплюснутой сферы с превосходной управляемостью и тончайшей, легчайшей взаимной сменой ускорения и разгона приземлится прямым на скалистый уступ. Почти неслышно зашипев, отойдёт в сторону и, перекувырнувшись, поднимется трансформер-дверца из бронестекла, чтобы откатиться кверху шлюпки и там застыть, притянутая управляемыми магнитами. Пассажир – немолодой мужчина с седыми волосами стрижкой «бобриком», мужественным, бесстрастным лицом в морщинах, одетый в стандартную защитно-маскировочную униформу средней руки галактического путешественника – выберется из мини-корабля и, держа наготове трёхпозиционное ружьё (энергетический импульс/плазма/лазер), двинется в сторону редкого недружелюбного леса.

Все деревья в лесу будут голыми, чёрными – смесь копоты, оставленной звездолётами, взвеси пепла, непрестанно оседа-

ющей из атмосферы, и отшелушивающейся, старой и больной, истончившейся и помрачневшей коры; на своём пути мужчина с пушкой встретит немало проплешин, где вместо выжженной и погибшей от недостатка питательных веществ и газов травы – однотонные, шершавые, будто коленка старика, круги, овалы, трапеции и прочие геометрические фигуры и их экспрессионистские аналоги. Преодолев две-три сотни метров и не обнаружив искомого – а точнее, искомым, – пришелец в форме начнёт дуть в звукоимитатор, что настроен на голос животного; настроек у минитюрного, похожего на губную гармошку аппарата – более ста пятидесяти, однако человеку нужна лишь одна, определённая.

Никто не откликнется на зов.

Космонавт в спецформе двинется дальше, поводя глазами и ружьём, всякую секунду ожидая нападения или поспешного бегства... но никто: ни отчаянно-смелый, ни самоубийственно трусливый – никто не встретится ему на пути. А он, обойдя хилый вроде-лес и напрямую, и после – полукругом, даже и тогда не потеряет надежды; возвращаясь назад, он не перестанет мысленно повторять:

«Сейчас... вот сейчас, да!.. Надо выждать ещё минутку... ещё две минутки, пяток, и тогда!..»

Только всё впустую.

Огорчённый и удручённый, а кроме того, злой, нет, скорее, пожалуй, взбешённый, мужчина, похожий на солдата, закинет ружьё внутрь услужливо-приветливо открывшейся

шлюпки, заберётся туда сам и, изрыгая проклятия и ругательства, взмоет вверх – обратно через атмосферу и в космос. Спустя полчаса-час его подхватит первый следующий заведённым, межгалактическим маршрутом перевозчик – аналог века́ назад устаревшего земного автобуса или трамвая, – и мужчина улетит прочь, выбросив из головы мысли о недавно посещённой планете. Когда вернётся домой, на Таурис-7, он расскажет ребятам, как его фантастически надули в ведомстве космической охоты; разрешение на отстрел он, ведóмый бессильной яростью обманутого, сожжёт ещё на перевозчике, бросив титановую крышку с яркой красочной 3D-надписью в переработыватель ближайшего робота-мусорщика.

А внизу, если забыть про неоднозначность ориентирования в открытом космосе, где-то на серо-оранжевой, но не радостных, а грустных, боязливых оттенков планете, из глубокой-глубокой норы покажутся два горящих красных глаза... чтобы тут же сгинуть. И снова для гипотетического случайного наблюдателя негостеприимная неинтересная планета увидится пустой.

Настоящее

Скотт устало зевает и нежно гладит ружьё.

– Где же он?

Грэг умоляюще смотрит на приятеля.

– Спрятался, когда почуял нас, – объясняет он прописную истину Скотту, который и без того всё знает.

– Это-то понятно. Но куда он мог спрятаться?!

Устало вздохнув, Грэг всё-таки решает продолжить затеянный от скуки и долгого ожидания разговор.

– В нору – ты же знаешь, у них много нор. Чересчур много. А их самих очень мало – потому за них и платят бешеные деньги. Или ты думал, это будет как в присказке: «Пришёл, увидел, победил»? Наивно!

Скотт вздрагивает.

– Слышал?

– Ветер, – безразлично отзывается Грэг... и вдруг прикладывает палец к губам. – Тихо!

Они стоят, неподвижные и напряжённые; оба стараются не выдать волнения, чтобы ненароком не издать звука, который вспугнёт *его*. Ожидание длится минуты три: их ноги затекают, руки, сжимающие ружья, потихоньку трясутся, выдержка проверяет обладателей на прочность, словно вот-вот собирается отказать им. Грэг косится налево, Скотт направо – никого. Тогда они синхронно оглядываются назад, а по-

том друг за другом – сперва Скотт, за ним Грэг – смотрят вперёд. Вокруг по-прежнему лишь пустота.

Воспользовавшись удачным моментом, внезапно налетевший ветер срывает со Скотта шляпу – дань ретротрадициям и желанию выделиться в эпоху роботизации, миниатюризации и космических странствий. Осторожно, лишь бы не вспугнуть *того, кого они ищут*, Скотт медленно нагибается, бесшумно и быстро хватая шляпу за широкое, а-ля Индиана Джонс поле – и, готовый столь же аккуратно разогнуться, замирает статуей.

Два крохотных, горящих красным глаза, совершенно не мигая, проедают его взглядом из неширокой и невысокой прогалины в кустах; как *он* появился там, беззвучный, точно бы невидимый и почти неуловимый, приятели не имеют ни малейшего понятия. Глаза, пара раскалённых докрасна фонариков, наконец мигают.

– Грэг... – как можно тише шепчет Скотт; его руки зазеленели, стискивать ружьё становится неудобно.

– Вижу, – максимально неслышно откликается Грэг. У него примерно те же проблемы, только руки не превратились в ледышки, но вспотели; металл оружия скользит в становящихся неверными ладонях.

Плавно Грэг наводит дуло ружья на точку между двойными кроваво-красными «фонариками» – приходится всё делать чрезвычайно плавно, из-за чего время растягивается в разы, в десятки раз. По прошествии половины мину-

ты (или двух минут? или десяти?!) оскаленный зев трёхпозиционки указывает в нужном направлении; точность наводки подтверждает хитрый прицел, незримый для жертвы, но прекрасно видимый на крошечном экране-мушке охотнику. Остаётся нажать на сенсокнопку – абсолютно беззвучный процесс, – и объект охоты лишится правого глаза, а вместе с ним и жизни.

– В левый, – подсказывает Скотт. – Бей в левый глаз: он смертоносный.

– Нет, правый, – не одними губами даже – единственным их уголком произносит Грэг.

Скотт понимает, что отвлекает Грэга, но уверен в собственной правоте.

– Говорю тебе, левый.

– Отстань!..

Грэг не сдерживается и, хотя не переходит ни на крик, ни на рык, слишком громко высказывает несогласие. Мигнув напоследок, огненно-красные глаза-фонарики исчезают, заодно с их обладателем, и так же бесшумно, как появились.

– Упустили, – вполголоса сетует Грэг, добавляя к этому несколько подходящих ситуации нецензурных выражений.

– Ничего, – чувствуя себя немного виноватым, старается подбодрить Скотт, – теперь мы знаем, где искать, а убежать далеко он не мог.

– Да у них же норы повсюду, не забыл?! И передвигаются эти твари с максимальной скоростью пятьдесят миль в час!

– Семьдесят, – опять поправляет Скотт, но сейчас больше по привычке.

– Неважно. – Грэг недовольно отмахивается. – Пока мы болтаем, он на противоположный край леса убежит.

– Резонно, – тотчас соглашается Скотт.

Он касается голо-очков на затылке; те, повинаясь команде, опускаются Скотту на глаза, движимые микромоторчиком и наномеханизмами.

– О! – совсем скоро восклицает мужчина, нервно приглаживая тёмные волосы на круглой голове; он заметно более плотный, чем белобрысый Грэг, и немного уступает ему в росте. – Идентификатор засёк шум и движение в той стороне. – Он показывает пальцем. – Это хрустят ветки и шуршат листья... И фигура! Я вижу его! – Боясь не успеть, он торопливо нажимает на сенсоры устройства и отмечает на сверхплоском экране передвигающуюся точку – теперь *ему* от них не скрыться: зафиксирован!

– Вперёд!

Того-то Грэг и ждал: не намереваясь дальше прохладиться, он срывается с места; Скотт, вернув прикосновением «очки» на затылок, – следом, теряя в высокой негустой траве оброненную шляпу, о которой и не вспоминает. Парочка приятелей-охотников пускается в погоню, намереваясь на сей раз не дать красноглазому уйти; они быстро, но, по возможности, с неизменной скоростью и не форсируя бег рысят в глубь густого, угрожающего ветвями, силуэтами, тенями и полным

беззвучием леса.

Через пятнадцать-двадцать минут непрерывной погони Грэг останавливается.

– Не пройдёт, – отдышавшись, говорит он.

– Солидарен, – отвечает Скотт.

Грэг показывает указательным пальцем налево, затем направо; Скотт понимает без слов, и они расходятся: Грэг – на восток, если мерить планету земными мерками, Скотт – на запад.

Не проходит и секунды, и здоровенное, напоминающее баобаб дерево с неподвижными в любую погоду красно-жёлтыми листьями, что, как ветви и корни, представляют со стволом единое целое, покачивается для своих размеров и массы невообразимо легко и динамично. Оно вырывается из рыхлой оранжевого оттенка земли и с непередаваемым грохотом обрушивается набок, взметая вверх опавшую листву и обломившиеся ветки окрестных разноликих растений. Скотт находится в каких-нибудь ярдах от сверзившегося инопланетного гиганта; мужчина вмиг замирает, будто его приморозили из боевого фростера, и, чувствуя надсадно пульсирующую в ушах кровь, набухшие тяжёлые виски, испуганное, мечущееся дробью сердце, прикладывает к груди руку с зажатым в ней три-ружьём. Он глубоко дышит; пальцы стискивают выдвижную эласт-рукоятку чуть ли не до боли и белеют целиком, а не только костяшками и близкими к ним областями.

Грэга произошедшее тоже потрясает и пугает, возможно, не меньше, чем едва не угодившего под брюхо растительного монстра Скотта; он терпеливо ждёт, пока приятель придёт в себя, и, стараясь скрыть волнение, спрашивает:

– Порядок, Эска? Живой?

Эска, которого так, по первым буквам имени, называет один только Грэг, молча кивает; да Грэг и сам понимает, что лучше не голосить, если они хотят уйти отсюда с добычей. Правда, после мирового катаклизма, что устроило баобабоподобное дерево, вряд ли кто-нибудь из зверей в пределах ближайшей мили не попрятался в гнёзда, норы и прочие убежища. Успокаивает, однако, всем известный факт: *эти*, на кого вышли с мод-ружьями Скотт и Грэг, не из пугливых; они любят прятаться и передвигаться бесшумно, да, но больше из предосторожности, а вот напугать их, учитывая генетику, опыт, навыки и знание родной местности, очень и очень непросто...

– Наверное, это – перенесённое дерево, – предполагает успокоившийся и порозовевший Скотт.

Перенесённым называется всякий элемент или деталь ландшафта, выращенный либо сконструированный (обычно – искусственно) на другой планете, спутнике, в космолэбе и перевезённый и посаженный в непривычном месте. Проблемы во время «перенесения» возникают нередко: горы разрушаются, камни падают, деревья разламываются, с кустов осыпается листва... но при этом всё же остаётся весь-

ма высоким процент успеха. Скотту и повезло, и не повезло, что он очутился поблизости от живой «скалы», которая, будучи отвергнута неродной почвой, скорее всего, прогнила и «потеряла равновесие». Происшествие крайне маловероятное, хотя невозможным его не назовёшь.

Утомлённый погоней и сопутствующими неприятными событиями, Скотт подходит к «баобабу», или единике с планет в созвездии Кентавра, и только-только собирается присесть на громоздкий, кажущийся опухшим ствол, когда замечает кое-что. Находка приводит его одновременно в удивление, восхищение, недоумение; с трудом сдерживая злобу и так и не присев, он цедит сквозь зубы, обращаясь к напарнику-охотнику:

– А деревце-то подкосили!

– Клоккеры? – не веря, уточняет Грэг.

Он подступает к лежащей громадине и смотрит туда, куда указывает Скотт с деланным безразличием на лице, предупреждающим вероятную вспышку ярости.

– Ого.

Теперь и Грэг видит следы многочисленных глубоких укусов, проделанных точно и, наверняка, изумительно быстро существами с *фантастически* острыми зубами; судя по следам, существ было несколько, минимум – три-пять.

– Это их следы, – зачем-то подтверждает вслух Грэг. – Но... нонсенс же!

– В смысле? – Скотт решает всё-таки сделать хотя бы ко-

ротенький привал и опускается на поваленный ствол-великан.

– Они бы не сумели перегрызть настолько толстое дерево. *Даже* они! Даже если безумно спешили, даже если всё precisely рассчитали и выбрали для «диверсии» особей с наиболее острыми зубами.

– Согласен. – Скотт недолго катает этот вопрос в голове. – Полагаю, предосторожность – ловушку! – сделали заранее, причём десятки клоккеров...

Грэг понимающе кивает.

– ...А потом просто заманили нас, придурков, и пусть двадцатью, пусть тридцатью направленными укусами подточили махину и сбросили нам на головы, когда мы появились. Хорошо, что промахнулись.

– То ли клоккеры недодумали, то ли нам повезло... – размышлительно бросает Скотт.

Грэг пожимает плечами и присаживается рядом: он тоже довольно-таки вымотался, и неизвестно, какой вид усалости превалирует в нём сейчас: физический или эмоциональный.

– Маловато мы знаем об этих разумных животных, – в свою очередь, замечает Грэг.

– Угу, угу, – с охотой подтверждает Скотт. – Разумные животные... – добавляет он затем. – Красивый термин... вот только, чёрт, непонятный! Насколько они разумны, и насколько – животные?

– И чего мы о них не знаем?

– Во-во. А если учесть, что сведений о них исчезающе мало... – Грэг принимается загибать пальцы. – Неимоверно ловкие, дьявольски быстрые, с острейшими когтями и зубами; живут вроде бы под землёй, кажется, в норах; создали, по слухам, собственное общество-семейство; относятся к классу «разумные животные». Всё.

– Маловато будет.

– Так я о чём! Они создают впечатление хитрых расчётливых тварей.

– Тварей? Или всё же разумных существ?

– Или чего-то среднего.

– Или вообще иного рода.

Они некоторое время молчат.

– Зачем им маскироваться? – возобновляет прерванное обсуждение Грэг. – Никто из открытых в семьдесят одной галактике животных не маскируется по разумным причинам – только лишь следуя зову природы: инстинктам, рефлексам... И пользуясь притом природными же преимуществами: мимикрией, подобностью, невидимостью... Следовательно...

– Ничего и не следовательно, – недослушав, возражает Скотт. – Ты сам сказал: людям не хватает фактов, потому клоккеры часто и оставляют охотников наподобие нас в дураках.

– Либо же трупами.

Скотт кивает со смурным выражением на лице.

– Я...

Он собирается добавить что-то ещё, как вдруг макси-сосна, генетически выведенная на Земле в позапрошлом веке разновидность сосны, предназначенная специально для перенесения, с душераздирающим хрустом валится напрямиком в сторону Скотта.

Скотт не успевает среагировать; Грэг проявляет большую прыть и, подскочив и вскинув три-ружьё, импульсом срезает верхнюю часть иск-дерева. Сосна падает тише, чем до этого единика, однако эффект производит не меньший. Достав е-сигарету – прозрачную трубочку с управляемо-генерируемым наполнением, – Скотт закуривает и произносит, стараясь сдержать дрожь в голосе:

– Сегодня явно мой день.

– Хах! – отвечает на это Грэг; он тоже в смятении, обескуражен: два случая минут за десять-двадцать? Совпадение?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.